

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И ТИПОЛОГИИ МЕМОРИАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ*

Кандидат архитектуры С. С. МНАЦАКАНЯН

В последние годы удалось выявить ряд обстоятельств, позволивших уточнить представления о генетической, типологической, структурной связи некоторых архитектурных типов IV—VII вв. с реальными прототипами, известными в строительной культуре Армении и стран окружающего региона. Во многом это относится к памятникам мемориального характера. В памятных знаках и сооружениях мемориального (либо явственно к нему тяготеющего) назначения, известных на территории Армянского нагорья с древнейших времен, идентичность или значительная близость функций определила феномен внутреннего единства этой ветви искусства; такое, само по себе уникальное, явление особенно выделяется на фоне процессов развития культовой и светской архитектуры, подчеркивая значимость функциональных факторов формирования мемориальных памятников.

Традиционализм, изначально присущий меморативным обрядам многих стран и народов мира, способствовал сохранению комплекса системных признаков мемориальных сооружений и после принятия Арменией христианства (при неизбежном видоизменении внешних форм помпильного почитания, принесении сакральных церемоний, связанных с мартиральными понятиями первых христиан)⁸⁰.

Д. ПАМЯТНИКИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ (IV—VII вв.)

В типологии мемориальных сооружений и памятных знаков Армении этого времени можно выделить следующие основные группы: 1) так называемые «малые формы»—стелы, отдельно стоящие памятные колонны, объемные кресты на стилобате и т. д.; 2) арочные сооружения на развитом подиуме,—ввиду своего объемно-пространственного решения они рассмотрены вслед за первой группой; 3) памятники с внутренним пространством—башнеобразные, зальные, катакомбные и центричные**.

* Окончание. Начало см. «Историко-филологический журнал», 1979, № 4.

**Исследование проблем генезиса центричных сооружений мемориального назначения является отдельной темой, вплотную примыкающей к изучению происхождения больших центричных храмов Закавказья. Мы ограничились в данной статье кратким разбором проблем, связанных с генезисом центричных мемориалов Армении IV—VII вв., оставляя детальное рассмотрение этапов развития этих памятников для другой работы.

1. *Памятники без внутреннего пространства.* Мемориальные символы этого времени унаследовали в своем принципиальном решении образ вертикального памятного знака—культового и поминального символа древнего мира. Известно множество стел Армении IV—VII вв.—каменных призм прямоугольного либо квадратного сечения, стороны которых обычно покрыты сюжетными рельефами, орнаментальными мотивами растительного и геометрического характера, изображениями крестов⁸¹. Большинство стел устанавливалось на кубовидных основаниях и венчалось небольшими объемными крестами, вытесанными из камня. Принципы размещения на мемориальных стелах сюжетных рельефов, восходившие к искусству античного мира, были переплетены с христианской символикой; вместе с тем некоторые ранние стелы Армении связаны с дохристианской традицией⁸². Характер рельефа стел южной и центральной Армении, высекавшихся из черного, темно-красного, оранжевого туфа, довольно лаконичен: как правило, отсутствуют разделительные «клеяма». В северной Армении мастера имели в своем распоряжении мелкозернистый известняковый фельзит, прекрасно моделирующийся и передающий мельчайшие детали изображений. Кроме того, рельефы стел севера Армении имеют существенные отличия в иконографии⁸³. В литературе стелы Армении обычно рассматриваются как произведения скульптуры; все же помещение их в систему архитектурной типологии (точно так же, как фигурируют в архитектурной типологии древнего мира стелы и обелиски античного мира и Востока) вполне оправданно, учитывая их функции. Со стелами IV—VII вв. связывается происхождение ряда переходных форм—плит с рельефными крестами, генетически предшествовавших ранним хачкарам⁸⁴. Стелы, типологически близкие раннесредневековым, водружались даже в XVII в.⁸⁵

Кроме стел, в это звено нашей типологии входят мемориальные колонны IV—VII вв.—отметим памятники в Ошакане⁸⁶, Гегамских горах⁸⁷, Аване⁸⁸, колонны развитого средневековья (Воротнаванк⁸⁹, Татев⁹⁰, Ованнаванк⁹¹ и т. д.). Колонны возводились до XVII в., в то время как другие подобные символы, за редким исключением, были к X в. вытеснены хачкарами. Детали конструктивного характера—многоступенчатый стилобат, кубовидное основание (иногда круглая база), фуст, круглый или восьмигранный, без рельефной проработки, капитель (чаще импостная, иногда корзинчатая), наконец, венчавший колонну объемный крест (заменивший на христианских колоннах статуарное, зоо- либо антропоморфное навершие колонн античного мира и Востока) — говорят о том, что генезис этого типа мемориала Армении связан как с древневосточным (Иран, Индия), так и, преимущественно, с греко-римским мемориальным зодчеством. Типологическое различие стел и колонн Армении обосновывается как принимающими различные формы отличиями декора, так и иным масштабом памятников, ансамблевым (чаще всего) подходом к размещению колонн, и т. п. Ряд косвенных признаков позволяет предполагать, что если на Западе

определенное распространение получила триумфальная символика колонных сооружений, то в Армении большинство сохранившихся колонн по своим функциям—мемориалы.

Исследования последних лет говорят о существовании параллелизма раннесредневекового армянского и грузинского мемориального искусства (отметим стилистическую и иконографическую близость рельефов Одзуна и Хандиси, орнаментики стел Дарбанда и Зеда Тмогви, Кохба и Натлис Мцемели, Авана и Цверо Дабали, характера прорисовки рельефа крестов Шноха и Качагани, объемного строения крестов-наверший Джрвежа и Болниси, и т. д.). Сравнительный анализ сходных рельефных изображений в Ахпате и в трехцерковной базилике Эдзани⁹² показал, что рельеф Эдзанского Сиона, при некоторой его условности, типологически достоверно передает именно образ мемориальной колонны (а не стелы),—знака-символа, распространение которого, вначале обусловленное внешними контактами стран Закавказья с греко-римским миром и Ираном, впоследствии, начиная с IV в., проходило в обычных для культур Армении и Грузии раннего средневековья рамках утверждения новой религии, поминовения и почитания предков—основателей рода, запечатления памяти об основании национальных и региональных культовых центров (Эчмиадзин, Мцхета)⁹³. Сооружавшиеся еще до распространения христианства⁹⁴, в раннем средневековье и впоследствии, вплоть до XVII в., армянские памятники этого типа⁹⁵ всецело подтверждают тезис об органичности не только стел со скульптурными рельефами, но и колонных мемориальных сооружений в средневековой архитектуре стран Закавказья. Рельефы обычно размещались на капители колонны⁹⁶ и на кубовидном основании памятника; на ступенях стилобата иногда вырезались контуры змей, что имело оберегающее значение (Аван).

Кроме стел и колонн, в это звено типологии мы включаем устанавливавшиеся на основании либо на ступенчатом стилобате объемные кресты-монументы, иногда почти двухметровой высоты. Такие кресты в период распространения христианства устанавливались на руинах уничтожавшихся языческих храмов (вначале деревянные, они впоследствии были заменены каменными; на местах их водружения возводились первые христианские церкви—явление, имевшее полную аналогию в Грузии IV в.⁹⁷). Подобные кресты известны в материальной культуре многих стран⁹⁸; однако то обстоятельство, что этот тип мемориального знака, возникновением своим обязанный канону первых христиан, послужил после целого ряда трансформаций образцом для формирования в IX в. нового типа мемориала—хачкара («крест-камень»), ставшего примером синтеза профессионального и народного направлений в искусстве Армении IX—XVIII вв.,—придает изучению немногих, сохранившихся чаще всего во фрагментарном состоянии, объемных крестов IV—VII вв. особую окраску⁹⁹.

В мемориальных традициях Армении развитого средневековья известны модели храмов, иногда используемые как раки (мошехраны-

лица)¹⁰⁰. Истоки подобных решений следует искать в раннем средневековье: отметим своеобразие «балдахинообразных» наверший стел Парпи и Авана, а также оформленное арочными мотивами навершие двух стел Одзунского монумента VI в. Определенное место занимали в мемориальной традиции Армении также модели-надгробия (Егвард, Пемзашен и пр.). Не затрагивая уже рассматривавшиеся в литературе вопросы первоначального предназначения модели храма из Ангехакота¹⁰¹, отметим, что наиболее вероятно ее последующее использование в качестве надгробия¹⁰².

Особое место в типологии мемориальной архитектуры раннесредневековой Армении занимают арочные монументы в Одзуне (VI в.) и в Агуди (VII в.); принципиальное решение этих оригинальных, не имеющих никаких аналогий в раннесредневековом зодчестве стран Закавказья сооружений семантически связано с мемориальными героонами античного мира и эллинистического Переднего Востока. Подобное обстоятельство, весьма своеобразное для процесса развития архитектурных типов после принятия Арменией христианства, обусловлено спецификой их функций. Как показали разыскания последних лет, детали символики Одзуна и Агуди позволяют причислить их к распространенному на Западе, но достаточно редкому в Закавказье типу кенотафа, символического захоронения¹⁰³. Все признаки структурного характера, как и пластическое решение этих памятников, позволяют определить феномен их возникновения в раннехристианской Армении как далекую реминисценцию позднеантичного мемориального зодчества¹⁰⁴.

2. *Памятники с внутренним пространством.* Первыми архитектурными сооружениями принявшей христианство Армении явились мартириумы дев-Рипсимид в Вагаршапате. В композиционном отношении они восходят к башенным мавзолеям позднеантичного мира¹⁰⁵; балдахинообразное навершие¹⁰⁶, как уже отмечалось, генетически связывается с влиянием местных традиций. Первоначальный облик мартириума св. Рипсима в научном обиходе принято реконструировать исходя из рельефа на стеле Одзунского монумента VI в.¹⁰⁷ Однако сопоставление сведений Себеоса¹⁰⁸ с плановым решением крипты Рипсима позволяет нам выдвинуть иную, параллельную существующей версию его объемно-пространственного решения¹⁰⁹. Недавние археологические открытия на территории храма Рипсима, видимо, будут способствовать появлению новых данных о мемориальных ансамблях Вагаршапата¹¹⁰.

В единый архитектурный организм объединены усыпальница и поминальная церковь зального типа в мемориальном ансамбле V в. в Зо-вуни¹¹¹. При анализе решения этого памятника открывается возможность увязать структурные особенности сооружения с конкретной исторической ситуацией, определившей обстоятельства его возведения¹¹². В частно-

сти, это в некоторой степени облегчает поиск вариантов предположительной реконструкции ансамбля в Зовуни¹¹³.

Весьма своеобразным—и по выполнявшимся на протяжении многих веков существования функциям, и по архитектурной композиции (учитывая неоднократные перестройки)—следует признать памятник Хор-Вирапа, расположенный на одном из холмов древнего Арташата¹¹⁴. Именно здесь был заточен Григорий Просветитель¹¹⁵. Роль «склепа» была отведена круглому колодцу (глубиной 6,2 и диаметром 4,4 м), скорее всего имевшему перекрытие еще до распространения христианства (впоследствии на восточной стороне помещения устроили апсиду). Символика «рва», не связанного с захоронением, имела тем не менее мемориальный характер,—память о мученичестве основателя армянской церкви, сохраняемая многие века, получила архитектурное воплощение в виде навершия «рва»—купольной ротонды; решение, генетически связанное с мемориальными ротондами античного мира¹¹⁶. При этом весьма интересен процесс возникновения такого решения: вполне возможно (а если учитывать реальное существование в зодчестве Армении III—IV вв. элементов, связывающих его с позднеантичной архитектурой Малой Азии, Сирии, так же как и с иранской строительной культурой—что доказывается, в частности, фактом возведения башенных мемориалов и балдахина в Ани,—то и вероятно), что первоначально «ров» Хор-Вирапа перекрывался балдахинообразным строением. Дальнейшее развитие подобных композиций, частично восходившее к процессу видоизменения древнейших традиционных форм народного жилища Закавказья (идентичные системы глхатун—дарбази—карадам), частично инспирированное контактами с зодчеством прилегающего региона (Малая Азия, Сирия, Иран), привело к возникновению в начале распространения христианства малых мемориальных структур (балдахины Ани и Черемн, ротонда Хор-Вирапа), что, в свою очередь, явилось одним из этапов формирования более сложных типов центричных сооружений раннесредневекового Закавказья¹¹⁷.

Отдельную группу мемориальных памятников раннего средневековья, в облике которых явственно прослеживается общность типобразующих признаков, мы предлагаем именовать «малыми сводчатыми» («փոքր թաղափայտ») — по аналогии с термином «малые центрально-купольные» («փոքր կենտրոնափայտ»). Сюда входят подземный склеп Джрвежа V в., открытый в ходе раскопок Н. М. Токарского в 1958 г.¹¹⁸, усыпальница создателя армянского алфавита Месропа Маштоца в Ошакане 442—443 гг.¹¹⁹, подземное двухкамерное сооружение в Нахчаване (близ Карса), связанное с погребением Артавазда Камсаракана (о времени его возведения—V или VIII в.—у исследователей нет единого мнения, что связано с колебаниями в установлении личности Артавазда Камсаракана)¹²⁰. В системном отношении примыкает к этой группе чрезвычайно своеобразное, прежде всего своей символикой, сооружение—мартириум Амараса. Как отметил С. Т. Еремян, его в

439 г. возвел над могилой внука Григория Просветителя—Григориса (миссионера, распространявшего в Агванке христианство и убитого там в 338 г.) Вачаган III Благочестивый¹²¹.

Генетически малые сводчатые мемориалы раннесредневековой Армении восходят к первым искусственно обработанным подземным объемам катакомб культового и гробничного назначения (с очевидной неустойчивостью достоверно определяемого прототипа). Несколько иначе обстоит дело с уточнением последующей судьбы этого схемного решения: как мы полагаем, тип малых сводчатых мемориалов (известный в зодчестве региона задолго до распространения христианства) раннего средневековья имел в процессе формообразования некоторых более сложных типов раннего средневековья (основанных на использовании зальных композиций) примерно то же значение, которое современная наука отводит малым центричным структурам типа тетраконха и «scoix libre» (также связываемым в своей семантике с дохристианскими мемориалами трихориального и крестообразного планового решения) в формировании некоторых типов больших центричных храмов. Ряд признаков позволяет проследить последующее развитие схемы малых сводчатых мемориалов: к ним относятся, в частности, продольное размещение камер нахчаванского склепа (известны памятники развитого средневековья с таким решением внутреннего пространства,—Ваганаванк, Цахац-Кар) и ярусность строения церквей-усыпальниц развитого средневековья (отметим возможность существования первоначально предусмотренной ярусности в мавзолее Месропа Маштоца, Ошакан)¹²². Символика малых сводчатых мемориалов как будто достаточно однозначна; но и здесь наблюдаются элементы неоднозначности, имеющей параллели в смысловом значении некоторых родовых усыпальниц развитого средневековья—прежде всего это относится к символике Амарасского мартириума св. Григориса¹²³.

В типологию мемориальной архитектуры раннесредневековой Армении входят два памятника, которые известны по описаниям Ст. Орбелиана и Б. Н. Аракеляна. Первый из них был расположен близ резиденции владетелей Сюника—Шагата и представлял собой датированное временем не позднее IV в. (что связано с тем, что его возведение историк связывает с конкретными реалиями этого времени) подземное крестообразное помещение, перекрытое крестовым сводом, или же малую центричную часовню типа «купол на квадрате» с шатровым перекрытием (историк подчеркивает, что сооружение каменное, однако археологически достоверных данных о существовании каменных куполов в Армении IV в. пока нет) балдахинообразного типа¹²⁴. Другой памятник, открытый во время строительных работ в городской черте Еревана (близ Ботанического сада), можно представить по следующему описанию: «Здесь в туфовом массиве была высечена сводчатая усыпальница с двумя сводчатыми нишами и размещенными перед ними каменными плитами, как в Ахце, с той разницей, что ниши здесь были не внут-

ри, а снаружи усыпальницы, а на плитах отсутствовали рельефы. Лишь на верхней части плит арки, обрамлявшей нишу, был высечен взятый в круг равноконечный крест архаичной формы»¹²⁵. Очевидно, памятник этот имел внешнее, а не внутреннее размещение аркосолиев; подобное решение, обычное для архитектуры Запада, в Армении до тех пор и впоследствии нигде более не было обнаружено.

Другой архитектурный тип, в структуре которого синтезированы признаки малых сводчатых и ярусных построек, представлен в мемориальной архитектуре раннесредневековой Армении памятниками Ахца (60-е гг. IV в.) и Карениса (VII в.). Расчистка мавзолея Аршакидов в Ахце¹²⁶ дала нам основания к пересмотру прежних представлений о его катакомбном характере¹²⁷. Выявленные после расчистки структурные элементы, в частности масштабно решенный ступенчатый стилобат (охватывающий первый, как выяснилось, отнюдь не подземный, ярус мавзолея с юга и с востока и формирующий весь облик памятника в соответствии с архитектурными традициями мемориалов греко-римского мира, Ирана и позднеантичного Переднего Востока), а также четко оконтуренная верхними ступенями стилобата и примыкающим южным фасадом базилики прямоугольная площадка (образовавшаяся в результате забутовки известково-щебеночным раствором «пазух» свода крипты первого яруса), свидетельствуют в пользу гипотезы о существовании на месте этой площадки верхнего яруса—скорее всего, небольшой однефной зальной церкви, служившей целям поминального церемониала¹²⁸. Как выяснилось, мавзолей Аршакидов был композиционным ядром мемориального ансамбля, включавшего несколько (пока выявлено три памятника) памятных колонн на ступенчатых стилобатах (возведенных в ряд с южной стороны мавзолея) и построенную несколько позднее, в IV—V вв., трехнефную четырехпилонную базилику, вплотную примыкавшую к мавзолею с севера (вероятно, ее возведение было обусловлено не только расширением поминальных церемоний в царском некрополе, но прежде всего необходимостью литургического порядка: как отметил Фавстос Бузанд, в мемориальных часовнях действительно собирались в специально отведенные дни—однако, как можно заключить исходя из контекста первоисточника, все же не вели там постоянной службы; уже поэтому небольшая зальная часовня второго яруса мавзолея не могла удовлетворять этим требованиям)¹²⁹.

Для предлагаемой нами реконструкции мавзолея Аршакидов как двухъярусной церкви-усыпальницы существенное значение имеет реально определенное ярусное строение другого мемориального памятника раннесредневековой Армении—сооружения Карениса VII в.¹³⁰ Именно здесь налицо сохранившееся сочетание крипты нижнего (в данном случае полуподземного) яруса с однефной зальной церковью второго яруса, предназначавшейся для поминовения¹³¹,—сочетание, представляющее самостоятельный архитектурный тип. Возникает вопрос—чем же было обусловлено распространение в мемориальной архитектуре ран-

несредневековой Армении (и впоследствии в развитом средневековье) принципов ярусности—существовавших, хотя и в связи с иными причинами, в мемориальном зодчестве древнего мира (в частности, Передневносточного региона) задолго до распространения христианства? В первой части работы мы рассмотрели значение древнейших местных традиций в деле формирования принципов ярусности (прежде всего—в образовании «сквозных» наверху) меморативных построек¹³². Но повсеместное распространение ярусности в мемориальной архитектуре средневековой Армении было детерминировано каноническими положениями церкви—сформулированным Сааком Партевом в V в. канон о запрете на захоронения внутри культовых помещений¹³³. Как показали наши исследования, этот запрет неукоснительно соблюдался примерно до XVII в. (впоследствии отмечены захоронения в церквах, хотя и нет предусматривающего это канона). Ввиду этого наиболее целесообразным выходом должно было представляться возведение над погребением (крытой сводчатого либо крестообразного плана) второго яруса (решение, известное в архитектуре позднеантичного мира).

Именно этот запрет, как мы полагаем, послужил отправным импульсом для интенсивного развития мемориальной архитектуры Армении средних веков (IV—XIV вв.)—развития, которое привело к разработке целого ряда схем композиционного решения, новых принципов декора (в частности, предусматривавших широкое использование геральдики), иных вариантов канонических типов. Мемориальные по своим основным либо доминирующим функциям памятники («малые формы», арочные сооружения наряду с мавзолеями, мавриумами, небольшими склепами, крестообразными часовнями мемориального характера, двухъярусными церквями-усыпальницами, башнеобразными строениями и пр.) занимают в архитектурной культуре Армении IV—VII вв. (как и последующего времени—отметим только хачкары и гавиты) такое же, а может быть и большее, место, чем их античные аналоги в зодчестве греко-римского мира (среди всего многообразия культовых и гражданских построек). Этот феномен был предопределен сугубо местными особенностями распространения культа мучеников и явлениями конфессионального порядка; однако он никоим образом не был обусловлен структурой монофиситской доктрины—в соседней Грузии, где до официального принятия в начале VII в. православия также был распространен монофиситизм, положение было иным; исследователи—как Г. Н. Чубинашвили и его школа, так и другие ученые, занимавшиеся проблемами грузинского зодчества, не отмечали какого-либо специального акцентирования мемориального направления в развитии архитектуры Грузии (как в период монофиситства, так и позднее). Явления такого порядка совершенно нетипичны и для Византии, и для других стран православия: так как хоронить разрешалось в культовых помещениях, не было функциональной необходимости в сколько-нибудь значительном развитии мемориального зодчества «малых форм» и со-

оружений с внутренним пространством, выходящем за рамки обычной для христианской архитектуры практики (как это наблюдается в Армении на всем протяжении средних веков). Следовательно, устанавливается существование непосредственной связи между обусловленным местными реалиями церковным каноном V в. и спецификой развития мемориальной архитектуры средневековой Армении (отмечающейся на протяжении около 1200 лет)—обстоятельство весьма существенное. Однако оно приобретает исключительный интерес в свете проведенного нами типологического сопоставления двух мемориальных сооружений раннесредневековой Армении и Грузии—мавзолея аршакидских царей в Ахце (60-е гг. IV в.) и малой церкви Джвари (по Г. Н. Чубинашвили, возведенной в 545—586 гг., а по Ш. Я. Амيرانашвили—«не позже первой половины VII в.»¹³⁴; однако сейчас мы не останавливаемся на вопросах хронологического и генетического порядка, а лишь на типологическом своеобразии памятника). Такое сопоставление стало возможным только после расчистки усыпальницы в Ахце, опровергнувшей прежние представления о ее катакомбном характере¹³⁵. Если иметь в виду реконструкцию Г. Н. Чубинашвили¹³⁶, использованную нами при сопоставлении сооружений Ахца и малой церкви Джвари, становится очевидной системная близость осуществленных здесь архитектурных замыслов. Особенности представляют следующие факторы.

1. II в Ахце, и в малой церкви Джвари нижний ярус погребального назначения, с двух сторон охваченный ступенчатым стилобатом крупномасштабного характера¹³⁷, являлся своеобразным «ниместом» для возвышавшейся во втором ярусе небольшой поминальной церкви¹³⁸.

2. II в Ахце, и в малой церкви Джвари сооружение было тесно связано с возведенным близ него большим храмом (в Армении—трехнефной четырехстолпной базиликой, примыкающей к мавзолею и построенной в IV—V вв., в Грузии—большим центричным храмом Джвари; по Г. Н. Чубинашвили, малая церковь Джвари хронологически предшествовала большому храму¹³⁹, по С. Н. Какабадзе, Ш. Я. Амيرانашвили и П. М. Мурадян—была возведена после него¹⁴⁰).

3. II в Ахце, и в Джвари поминальные церкви второго яруса мемориалов в плане связаны с зальными композициями (в малой церкви Джвари, перекрытой в своей центральной части крестовым сводом, налицо легкая крестообразность плана, обусловленная конфигурацией боковых прямоугольных ниш—это решение, аналогичное плану первого яруса мавзолея Аршакидов в Ахце, получило распространение в ряде схем малых центричных памятников Закавказья).

Как нам представляется, такая близость мемориальных двухъярусных сооружений Ахца и Джвари основывалась на взаимном принятии распространенного типа двухъярусной церкви-усыпальницы,—типа, генетически восходящего к двухъярусным мавзолеям, известным в дохристианском зодчестве Передневнострочного региона. При этом большое значение должна была иметь также близость символических представлений, определивших целесообразность именно двухэтажного ре-

шения этих сооружений (выше мы отметили роль канона Саака Партева в формировании ярусности мемориальных памятников Армении, начиная с V в.). Подобная близость мотивов, диктовавших структурное решение архитектурных сооружений Армении и Грузии, вполне естественно (учитывая традиционализм мемориальной архитектуры) выглядела бы и до церковного раздела (если исходить из датировки Г. Н. Чубинашвили, отнесшего малую церковь Джвари к 545—586 гг., т. е. к периоду монофиситизма), и после него (если принять доводы Ш. Я. Амиранашвили, считавшего мавзолей Джвари постройкой первой половины VII в., т. е., очевидно, возведенной уже после принятия православия): это вытекает из реально установленного существования тесных связей и после церковного раздела, причем не только в области архитектурной типологии (что общепризнано), но также в конфессиональных отношениях¹⁴¹.

В структурной близости двухъярусной церкви-усыпальницы Ахца и двухъярусной церкви-усыпальницы Джвари (дальнейшим развитием именно таких принципов организации внешнего и внутреннего пространства мемориалов Закавказья, как в плане хронологии, так и типологически, можно считать двухъярусную церковь-усыпальницу Бачковского монастыря в Болгарии¹⁴²), как и ряда других, в том числе центричных типов раннесредневекового зодчества стран Закавказья (имеются в виду крестообразные часовни типа триконха, тетраконха, «свободного креста» и пр., многие из которых в Армении были связаны с проявлением идеи мемориала)—прослеживаются единые корни распространения христианства, близость традиций строительной культуры, достигшей здесь высокого уровня задолго до IV в., так же как и знакомство с архитектурным творчеством (в частности, мемориальными часовнями первых христиан) Палестины, Сирии, Малой Азии, а также Сасанидского Ирана. Эти обстоятельства в полной мере относятся к распространению в средневековом зодчестве Закавказья ярусных сооружений (башнеобразных, зальных, центричных)¹⁴³.

Следующее звено архитектурной типологии мемориалов Армении раннего средневековья представлено некоторыми малыми центричными памятниками, типологически сходными с распространенными на обширных территориях Запада и Востока¹⁴⁴. В последние годы архитектурные особенности этих сооружений стали предметом изучения¹⁴⁵; однако в контексте нашей работы особый интерес представляют источники формирования подобных структур и выявление этапов эволюционирования их пространственных решений, генетически восходивших к позднеантичному мемориальному зодчеству, строительной культуре Ирана и трансформациям систем перекрытия народного жилища Закавказья (что обычно считают одним из путей возникновения камельного купола в культовой архитектуре региона)¹⁴⁶. Обнаруживаемая исследованиями синхронность появления и параллелизм использования армянскими мастерами раннего средневековья ряда подтипов малых центричных построек, таких, как моноконх (Кармравор в Аштараке, Бджни, Бюракан,

Кош, Сасуник, Арташаван и пр.), триконх (Талин, Карашамб, Пемзашен и пр.), тетраконх (Арзни, Ошакан, Црвиз и пр.), ставят под сомнение правомерность использования в классификационном анализе этих сооружений традиционной методики типологизации, с развитием композиционной сложности по восходящей. Определение функционального назначения здесь должно быть строго индивидуальным, любая попытка экстраполировать имеющиеся данные методологически неверна. Вместе с тем, тезис о генетической связи мемориалов раннехристианского времени с аналогами позднеантичного периода, сформулированный в работах А. Грабара¹⁴⁷ и Ж. Ляссюса¹⁴⁸, отрицавшийся (на материале памятников Грузии) Г. Н. Чубинашвили¹⁴⁹, применительно к мемориалам раннесредневековой Армении, как показали наши исследования, не может быть однозначно принят либо отвергнут. С одной стороны, безусловной связи между функцией (мемориальной для центричных и литургической для зальных строений раннего христианства) и композицией в Армении, как и в Грузии, не наблюдается. С другой стороны, интенсивное развитие мемориальной архитектуры в Армении IV—VII вв. (детерминированное, как мы показали, каноническим предписанием Саака Партева и конкретно-историческими реалиями распространения христианства в Армении) должно было иметь основу. Действительно, башнеобразные мартириумы дев-Рипсимид генетически восходят к башенным мавзолеям Переднего Востока (в Армении сходное решение имеет гробница Паракара I в. до н. э.)¹⁵⁰; «малые сводчатые» мемориалы Армении IV—VII вв. ведут свое происхождение от дохристианских склепов региона и катакомб первых христиан; зально-ярусные композиции Закавказья (Ахц, малая церковь Джвари, Каренис и пр.) семантически связаны с традициями возведения известных задолго до появления на исторической сцене христианства ярусных мавзолеев Малой Азии, Ближнего и Среднего Востока; наконец, генезис центричных типов мемориалов связывается с проникновением зороастризма (привнесшего тип чортака) и позднеантичных традиций возведения балдахинообразных мемориалов («сооружение о 4-х колоннах» в Ани, балдахин в Череди)—что вызвало развитие «купола на квадрате» (Вохджаберд V в.¹⁵¹, а также строение в Джилизе¹⁵²) и появление первых малых центричных сооружений Армении (масштабное решение и особенности местоположения которых в целом ряде случаев свидетельствуют в пользу именно мемориального их назначения)¹⁵³. Это же соотношение между полигональными и поликонховыми схемами (Арзни VI в., октогональное решение которого, как полагают, может быть связано с его баптистериальными функциями¹⁵⁴, а также шестиапсидные памятники Талинского р-на¹⁵⁵; схема такого решения была известна в мемориальной архитектуре Армении развитого средневековья—отметим Пастушью церковь в Ани) и их ротондальными истоками в античном мемориальном зодчестве говорит о существовании глубоких традиций, обусловивших типологическое многообразие мемориальной архитектуры Армении раннего средневековья (об этом же говорит исключительное

своеобразие арочных мемориалов Одзуна и Агудн, непосредственно восходящих к аналогам позднеантичного мира).

Проблемы взаимоотношений формы, символики и архитектурной композиции относятся к наиболее сложным и дискуссионным не только в исследованиях памятников раннего средневековья, но и при анализе функций сооружений последующего времени. В частности, это относится к выяснению функций первого яруса церквей-усыпальниц Армении развитого средневековья¹⁵⁶. Здесь, вероятно, существовало несколько вариантов решения (применение подземных крипт типа «малой сводчатой» ячейки, символическое захоронение—кенотаф и пр.). В плановом и структурном решении церкви-усыпальницы Егварда 1301 г. и Нораванка 1339 г. выявляются признаки, позволившие нам предложить иное решение вопроса: «отодвинутость» границы алтарного возвышения к середине пространства первого яруса в памятнике Егварда, вполне возможно, обусловлена необходимостью использования этого места для установки саркофагов на полу или с небольшим заглублением. В Нораванке специфично решена апсидная ниша первого яруса: в ней выделена крупномасштабная рельефная арка, внутри которой высечен большой крест. Если учесть аналогичное решение прямоугольных апсидных ниш мемориалов раннего средневековья с устанавливавшимся в них крестом, то можно предположить местонахождение саркофагов (или небольшой подземной крипты) именно в этом участке интерьера усыпальницы первого яруса Нораванка. Подобное решение, видимо, было одним из ряда вариантов осуществления мемориальных функций малых центричных сооружений Армении; точнее ответить можно будет лишь после расчистки оснований ряда таких памятников¹⁵⁷.

Генетическая связь малых ротондальных сооружений мемориального назначения с центричными храмами раннего средневековья (так же как и связь балдахинообразных структур с возникновением центричных композиций последующего времени) несомненна. В этой связи представляется необходимым определить системное значение таких сооружений, как балдахин Ани и ротонда Хор-Вирапа, в частности, проанализировав пути эволюции этих структур, генетически восходящих к древнейшим толосам Средиземноморья и архитектурным идеям сасанидских храмов огня—чортаков. Известна история возникновения Эчмиадзинского кафедрала на месте покрытого балдахином креста¹⁵⁸. Место балдахинообразных и связанных с их эволюцией ротондальных структур в генезисе больших центричных сооружений Закавказья, имевших внутренний тетраконх с круговым обходом, весьма значительно. Не отрицая аксиоматичных тезисов о значении внешних контактов в формировании этих памятников (Звартноц, Бана, Лекит), мы все же считаем не менее важным источником их разработки малые мемориальные сооружения региона, восходящие к принципам ротонды. Имеются в виду памятники типа Хор-Вирапа (схема которых характерна для раннего периода развития центричных мемориалов), Килисадага и Мамрухского «храма»¹⁵⁹—мемориальное назначение последних более

чем вероятно¹⁶⁰. Это положение, в частности, обосновывается символическим значением храма Звартноц (который рассматривался в качестве мартирнума Григория Просветителя) и сведениями о специальной миссии албанского духовенства с целью получения части мощей Просветителя, хранившихся в Звартноце¹⁶¹. В свете этого удалось совершенно по-иному оценить феномен структурной близости храмов Звартноц и Лекит малым центрально-купольным ротондальным памятникам региона: это говорит о том, что тезис А. Грабара о генетической связи центрально-купольных структур с появившимися впоследствии центричными храмами в определенной степени справедлив и для процессов формирования зодчества Армении. Одновременно с этим, определенная типологическим анализом зависимость ротондальной первоосновы больших центричных тетраконхов Закавказья, имевших круговой обход, от ранних ротонд-мемориалов региона и их не дошедших до нас (однако несомненно существовавших) прототипов свидетельствует о наличии этапов развития функционально единых памятников типа тетраконха с круговым обходом. Это подтверждает большой творческий вклад мастеров Армении и стран Закавказья в создание подобных типов, в противоположность взглядам о абсолютном преобладании импортированных проектных идей.

* * *

Объединение мемориальных по основным либо доминирующим функциям памятников (обычно исследуемых отдельно) в рамках хронологической последовательности и типологического анализа, проделанное нами, обусловлено несомненным существованием стадильности формирования этого направления и феномена преемственности мемориальной символики, что определило возникновение ряда системообразующих признаков мемориальных построек и памятных знаков (выявляемых в большинстве случаев с типологической достоверностью). Результаты исследования (в продолжении которого мы рассмотрим проблемы генезиса и типологии центричных мемориалов Армении, кратко затронутые здесь) могут быть использованы в качестве канвы комплексного анализа конструктивных, композиционных, функциональных особенностей мемориальных памятников древней и раннесредневековой Армении, своеобразия их декоративно-пластического убранства. Одновременно они намечают путь к следующей стадии работы—аналогичному изучению генезиса и типологии мемориалов Армении IX—XVIII вв., также предваряющему их детальный анализ.

ПРИМЕЧАНИЯ

80 Сам факт подобной преемственности (обычной для западноевропейского и византийского—«византийская антика»—искусства) достаточно своеобразен для реалий Армении рубежа III и IV вв.

81 Р. Ы. Առաքելյան, Հայկական պատկերաբանականներ IV—VII դարերում, Երևան, 1949; Լ. Աղաբաբյան, Յձուրի և Բրդաձորի կոթողները, «Историко-филологический журнал», 1965, № 4; он же, Վաղ արքայադարյան Հայկական բանական, Երևան, 1975, стр. 95.

10 Հանդես, № 1

82 О дохристианских традициях в стелах Армении см.: Գ. Հոփսեփյան, *Նիֆեր և ոստմնասիրութիւններ հայ արուեստի և մշակութի պատմութեան, պրակ Գ, Նու-Յորր, 1944*, стр. 53—54; Բ. Բորшаджян, *Նյութեր հայկական ճարտարապետութեան պատմության, Երևան, 1942*, сб. I, стр. 40; Լ. Աղաբջյան, *Վաղ միջնադարյան հայկական քանդակ*, стр. 21; и др.

83 Ср.: Н. Г. Чубинашвили, Хандиси, Тбилиси, 1972, стр. 22. Сходство на уровне первичных образцов, существовавшее между Одзуном и Хандиси, свидетельствует о профессиональной культуре пластики, ориентировавшейся на лучшие произведения «столичного» (константинопольского) и регионального (Сирия, Палестина) искусства раннего средневековья, а также о возможности развития этой культуры в рамках единой школы скульптурного рельефа.

84 Отметим стелу «Куйс Сандухт» в Таллине, одну из стел Кохба, а также ранний хачкар, поставленный в 879 г. супругой Ашота I Багратуни—Катраниде «во имя спасения своей души» в Гарни.

85 «Գրիգան հայ վիմագրության», պրակ IV, կազմեց Ս. Գ. Բարխուդարյանը, Երևան, 1973, стр. 328.

86 Բ. Բորшаджян, указ. соч., сб. 2, Ереван, 1948, стр. 54.

87 Ա. Ն. Շահինյան, VII դարի կոթողներ Գեղամա լեռներում, «Հշմիածին», 1974, էջ. стр. 75.

88 С. С. Мнацаканян, Раннесредневековые мемориальные памятники в Аване, «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1975, № 11, стр. 26, 29; Կ. Գ. Ղաֆաղարյան, Երևան, միջնադարյան հուշարձանները և վիմական արձանագրությունները, Երևան, 1975, стр. 81, рис. 68.

89 «Գրիգան հայ վիմագրության», պրակ II, կազմեց Ս. Գ. Բարխուդարյանը, Երևան, 1960, стр. 99.

90 О. Х. Халпахчьян, Качающийся столб Татева, «Вопросы истории естествознания и техники», вып. 14, М., 1963, стр. 127.

91 Կ. Գ. Ղաֆաղարյան, Հովհաննավանքը և նրա արձանագրությունները, Երևան, 1948, стр. 44.

92 Н. Г. Чубинашвили, Хандиси, стр. 66, 67, табл. 33—2.

93 Исходя из ряда типобразующих признаков, присущих именно отдельно стоящим колоннам, а также из отличительных особенностей типологии стел Армении и Грузии, мы полагаем, что на эдзанском рельефе изображена не стела, а колонна. Кратко об этом см.: С. С. Мнацаканян, К проблеме изучения малых архитектурных форм средневековой Армении и Грузии, «Тезисы совместной научной конференции, посвященной вопросам армянского и грузинского искусства», Тбилиси, 1979.

94 Մոփսես Խորենացի, Պատմություն Հայոց, Երևան, 1968, стр. 141, 171.

95 «...Вырыли могилы, наполнили их, поставили на них каменные столбы и сделали такие надписи: «Была первая война, которую (вели) похороненные тут хорошо сражавшийся глава жрецов Ардзан и с ним 1038 мужей, и свершилась война во имя идола Гисанэ и во имя Христа». См.: Յոզիան Մամիկոնիան, Պատմութիւն Տարօնոյ, Երևան, 1941, стр. 94—95; К. В. Айвазян, «История Тарона» и армянская литература IV—VII веков, Ереван, 1976, стр. 248.

96 На ряде фустов поздних колонн вырезаны кресты. Сюжетные рельефы часто помещались на импостных капителях колонн—отметим подобную капитель VI в. из Егварда, с изображениями равноконечного креста и оленей, противостоящих быков, стилизованных розеток, а также сценой на библейский сюжет Даниила во рву львином, с принципиально иным, отличным от распространенного типа «оранты»-моления (предвосхитившей повозаветную схему распятия) вариантом иконографии ветхозаветного персонажа. Памятник открыт и введен нами в научный обиход в 1975 г. (С. С. Мнацаканян, Рельефные изображения и символика Даниила в мемориальной пластике Армении раннего средневековья, «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1977, № 6, стр. 54).

97 Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Тбилиси, 1948, стр. 3; R. Mepis aschvili, W. Zinzadse, Die Kunst des alten Georgien Leipzig, 1977,

стр. 59; П. М. Мурадян, Кавказский культурный мир и культ Григория Просветителя, доклад на сессии «Кавказский культурный мир и Византия», посвященной 100-летию со дня рождения акад. К. С. Кекелидзе, Ереван, 27. II. 1979.

98 В частности, отметим каменный крест близ с. Родионово (Грузия, XIII в.), перетесанный из вишапонда; см.: Л. М. Меликсет-Бек, Вишапы и вишапонды Грузии, КСИИМК, т. XV, М., 1947, стр. 37. Параллели наблюдаются в искусстве Египта, Ирландии, Скандинавии, Северного Кавказа и др.

99 См.: *Ս. Գ. Քարխուրյան, Հայաստանի կոթողախին հուշարձանները*, «Известия» АН АрмССР (общ. науки), 1960, № 7—8, стр. 53—80; Л. Р. Азарян, Армянские хачкары, Бейрут, 1973, стр. 21 и др.

100 О. Х. Халпахчьян, Санаин, М., 1973, стр. 26; Р. Синео, Les modeles en pierre de l'architecture arménienne, „Revue des Etudes Arméniennes“, t. VI, Paris, 1969.

101 А. Б. Еремян, Модель купольного сооружения, обнаруженная в селе Ангехакот Сиснанского района, «Тезисы II Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении», Ереван, 1976, стр. 128—130; *Ա. Երեմյան, Անգեղակոթում գտնված դժբեժավոր կառույցի ձանրակերտը*, «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1976, № 10, стр. 71.

102 Мемориальное предназначение подобных моделей прослеживается также на примере модели храма из раскопок Эски-Кермен и аналогичных ей образцов. См.: А. Л. Якобсон, Средневековый Крым, М—Л., 1964, стр. 98; он же, Модель храма из раскопок Эски-Кермен в Крыму и проблема нового архитектурного стиля в Византии, в сб. «Культура и искусство Византии», Л., 1975, стр. 45—46; то же, «Зограф», Белград, 1978, стр. 30—33.

103 То, что армянским мастерам был известен тип кенотафа, доказывает надпись на мозаичном полу армянской усыпальницы VII в. в Иерусалиме: «...На помини и спасение (души) всех армян, имена которых лишь Господу ведомы». См.: Б. Н. Аракелян, Армянская мозаика IV—VII вв., «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1971, № 3, стр. 19; С. С. Мнацаканян, Рельефные изображения и символика Даниила..., стр. 62; А. М. Высоцкий, Античные и средневековые мозаики Закавказья (о месте мозаики в системе искусств), «Научные сообщения Гос. музея искусства народов Востока», вып. XI, М., 1979, стр. 8.

Символика кенотафа нашла яркое воплощение в искусстве античного мира. Память воина, павшего на чужбине, лучше всего могла быть запечатлена именно таким образом. Приведем одну из монийских эпитафий на кенотафе воина, уроженца Коркиры (VII—VI вв. до н. э.):

Это—Арриада пробиница. Сверкающеликый его погубил Арес
Сражающегося возле кораблей у потоков Арахта,
Совершавшего много подвигов в стоном исполненной битве.

См. Н. А. Чистякова, От говорящей вещи—к говорящему автору (личность в греческой эпиграмме), в сб. «Проблемы античной истории и культуры. 2», Ереван, 1979, стр. 206. В этой связи знаменательны слова армянского историка V в. Егишэ, писавшего о павших соратниках полководца Вардана Мамиконяна: «...Память о них лишь в письменных сказаниях, и никакие годовые праздники не могут вернуть их с чужбины. Взглянули на место их за столом, посмотрели и прослезились и во всех собраниях поминали их имена. Многие памятники были водружены в их честь, и имена каждого были обозначены на них». См.: Егишэ, О Вардане и войне армянской, пер. П. А. Орбели, Ереван, 1971, стр. 173. Сопоставление этих отрывков указывает на то, что героизация павших в бою и возведение кенотафов были органичны для мемориальных традиций Армении.

104 Арочные структуры, генетически связанные с раннесредневековыми аналогами, возводились в Армении и впоследствии: отметим двухбашенный арочный монумент у входа в монастырь Оромос (есть надпись XII в.), сооружения Ваганаванка и Ани (последнее известно по материалам раскопок Н. Я. Марра).

105 M. de Vogüé, Syrie Centrale, Paris, 1865—1877, табл. 26, 70, 72; I. Matern, Villes mortes de Haute Syrie, Beyrouth, 1944, стр. 143; К. Михаловский, Пальмира, Варшава, 1968, стр. 11—16; H. Kienig, The art of ancient Syria, Leipzig, 1974, стр. 163—167, и др.

106 А. Б. Еремян, Храм Рипсимэ, Ереван, 1955, стр. 69, черт. 15.

107 Теоретическое обоснование этой версии см.: С. Х. Мнацаканян, Об одном неизвестном типе древнеармянской архитектуры, «Известия» АН АрмССР (общ. науки), 1952, № 7.

108 «История епископа Себеоса», Ереван, 1939, стр. 76.

109 По Агафангелу, первоначальные мартириумы имели близ себя «ардзаны»; для 4-х «ардзанов» Трдат принес 8 монолитов камня. Не исключено, что здесь в иносказательной форме говорится о решении этих монументов: в мемориальном зодчестве позднеантичного Переднего Востока известны двухколонные мемориалы. Мартириумы, разрушенные иноземными войсками, в конце IV в. восстановил католикос Саак Партев. При этом, конечно, восстанавливались и «ардзаны» Трдата. Далее: если принять слова Себеоса о мартириуме св. Рипсима как о «низкой и темной» часовне, то неясно, как отнести это определение к высокой стройной башне одзунского рельефа. Мы считаем поэтому возможным, что при восстановлении мартириумов была использована схема двухъярусной церкви-усыпальницы зального типа (так решен почти синхронный периоду возобновления мартириумов Вагаршапата мавзолей Аршакидов в Ахце, датируемый 60-ми гг. IV в.). Слова Себеоса о «низкой и темной» часовне вполне можно отнести к такому сооружению; при этом высокий башенный объем отождествляется с возведенным Сааком Партевом (на месте легендарного «ардзана» царя Трдата) мемориальным памятником типа пальмирских башен.

110 Р. Торосян, Новонайденные памятники близ храма Рипсиме, «Тезисы IV Республиканской научной конференции по проблемам культуры и искусства Армении», Ереван, 1979, стр. 266—267.

111 *ս. Ս. Սահրիշի, Զոհրհի ճարտարապետական խնամք, «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1968, № 1.*

112 В частности, с тем, что здесь, как полагает А. А. Санян, был погребен соратник Вардана Мамиконяна—князь Тачат Гнтуни.

113 Структурные признаки памятника позволяют предположить, что он представлял собой ансамблевое сочетание однонефной зальной церкви (предназначавшейся для поминальной церемонии) и двухъярусной усыпальницы.

114 Здесь находился укрепленный вышгород древней столицы Армении и комплекс дворцовых сооружений. «Глубокий ров» служил темницей для преступников, к которым в языческой Армении приравнивались первые христиане. Первоначальное назначение, скорее всего, состояло в сборе воды для обитателей обороняемого от неприятелей вышгорода.

115 Уже в IV в., как предполагается, должно было существовать на вершине Хор-Вирапа.

116 По описанию аль-Муккадаси, это было круглое в плане купольное сооружение на 8-ми колоннах, с апсидой (в которой было изображение Богоматери). См.: Н. Караулов, Сведения арабских писателей, «Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа», вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 16. Предположительную реконструкцию сооружения см. в работе: *Ս. Ս. Սահրիշի, Զոհրհի ճարտարապետական խնամք, Երևան, 1971, стр. 19, черт. 52.*

117. Имеем в виду как возникновение некоторых типов малых центричных сооружений, в частности «сгоix libge», путем трансформационного формообразования «купола на квадрате», так и восходящие к ротондам античного мира круглые памятники типа Мамрухского «храма» и Килисадага, большие центричные тетраконхи с круговым обходом (Звартноц, Бана, Лекит и др.).

118 Н. М. Токарский, Джрвеж II, Вохджаберд, Ереван, 1964, стр. 37, рис. 20. Весьма интересна параллель «малых сводчатых» сооружений в античной гробнице в

Мцхета (I в. н. э.). См.: Г. И. Лежава, Архитектурные памятники Грузии античного периода, Тбилиси, 1979, стр. 21, табл. LXV—LXXIII.

119 Կորյուն, Վարդ Մաշտոցի, Երևան, 1962, стр. 129.

120 Датировка нахчаванского мавзолея V в., предложенная А. Хачатрянном (см.: А. Khatchatrian, L'architecture arménienne du IV au VI siècle, Paris, 1971, стр. 30), противоречит результатам палеографического исследования надписи сооружения, которое провел И. А. Орбели (см.: И. А. Орбели, Избранные труды, Ереван, 1963, стр. 410—413), и выводам источниковедческих разысканий (см. Մ. Տեր-Մովսեսյան, Էջմիածինը և Հայոց հնագույն եկեղեցիները, Վաղարշապատ, 1965, стр. 104; Գ. Հովսեփյան, Քարտեզ Հայ հնագրություն, «Շողակաթ», Գիրք առաջին, Վաղարշապատ, 1913, стр. 175; Հ. Աճառյան, Հայոց անձնանունների բառարան, հատ. Ա, Երևան, 1942, стр. 315), согласно которым Артавазд Камсаракан умер в VIII в.

121 Ս. Ս. Երեմյան, Ս. Բարխուդարյան, Ամարաս, «Հայկական Սովետական Հանրագիտարան», հատ. 1, Երևան, 1974, стр. 277. Амарасский монастырь расположен близ села Сос Мартунинского р-на Нагорно-Карабахской АО АЗССР.

122 См.: Аракел Даврижеци, Книга историй, пер. Л. Ханларян, М., 1973, стр. 280. Интересна пропорциональная близость подземных склепов мавзолея Маштоца V в. и мавзолея Аршакидов (60-е гг. IV в.): Ошакан— $3,98:2,76=1,44$, Ахц— $3,80:2,62=1,45$.

123 Как мы полагаем, мартирнум св. Григориса в Амарасе имел редко встречающееся «параллельное» смысловое значение, аналогичное функциям родовых мавзолеев, так как его символика сводилась к почитанию памяти павшего миссионера—внука Просветителя, тем самым связываясь с памятью о распространении христианства Григорием. См. Մ. Մ. Հասրաթյան, Ամարասի ճարտարապետական համալիրը, «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1975. № 5, стр. 35—52; М. Nasratian, L'ensemble architectural d'Amarass, «Revue des Etudes arméniennes», t. XII, Paris, 1977, стр. 243; Р. Кэжушов, Амарас—Агоглан. Баку, 1975.

124 Ստ. Օրբելյան, Պատմություն նահանգին Սիսական, Թիֆլիս, 1911, стр. 42. Также см.: Н. М. Токарский, По страницам истории армянской архитектуры, Ереван, 1973, стр. 61.

125 Բ. Ն. Առաքելյան, Հայկական պատկերաբանականները IV—VII դարերում, стр. 32.

126 Памятник Ахца—наиболее раннее точно датированное (событиями армяно-персидской войны 364 г.) сооружение средневекового зодчества Армении. См.: Մ. Մ. Սիսականյան, Պատմություն Հայոց, Երևան, 1968, стр. 262. В его скульптуре прослеживается чрезвычайно своеобразный симбиоз раннехристианской символики (рельефный крест, сюжет Даниила во рву львином) и образов древнейших местных легенд. См. Բ. Ն. Առաքելյան, Հայկական պատկերաբանականները IV—VII դդ., стр. 28, 29, 78, 79. См. также: Լ. Աղաբաբյան, Վաղ միջնադարյան հայկական քանդակը, стр. 87—90.

127 Считавшееся катакомбным сооружение Ахца было расчищено и частично реставрировано Управлением по охране и реставрации архитектурных памятников Госстроя АрмССР в 1972 г., что позволило определить его как двухъярусную церковь-усыпальницу. См.: С. С. Мнацаканян, Композиция двухъярусных мартириумов..., стр. 217—221.

128 Фавстос Бузанд, История Армении, Ереван, 1953, стр. 9.

129 В этой связи весьма интересен вопрос о возможности проведения поминальных церемоний в большом храме Джвари (близ которого размещена малая церковь с аналогичным ярусным размещением крипт и часовни).

130 Մ. Մ. Հասրաթյան, Կուսկերտի ճարտարապետական երկու հուշարձաններ, «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1972, № 2, стр. 27.

131 Здесь нашла отражение схема ярусного мавзолея на ступенчатом стилобате, одинаково характерная для ахеменидского Ирана, античного мира и христианского Востока.— явление, в процессе формирования архитектурной типологии весьма редкое.

132 С. С. Мнацаканян, Проблемы генезиса и типологии..., стр. 88—89.

- 133 «*Վանականիք Հայոց*», *Կաղնիք Վ. Ա. Հակոբյանը, հատ. Ա, Երևան, 1964*, стр. 381.
- 134 G. Tschubinaschwili, Die kleine Kirche des heiligen Kreuzes von Mzchetha, Tiflis, 1921; III. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, М., 1963, стр. 115.
- 135 С. Х. Мнацаканян, К. Л. Оганесян, А. А. Саннян, Очерки по истории архитектуры древней и средневековой Армении, Ереван, 1978, стр. 60—61.
- 136 Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, стр. 6—25, рис. 1.
- 137 Характер стилобатов Ахца и малой церкви Джвари, в сравнении с действительным масштабом памятников, позволяет говорить о явлении иного порядка, а именно об акцентировании верхнего объема, генетически восходившем к мемориалам передневосточного региона и Ирана.
- 138 Г. Н. Чубинашвили, указ. соч., стр. 14; С. С. Мнацаканян, Композиция двухъярусных мартириумов..., стр. 219.
- 139 Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, стр. 19.
- 140 III. Я. Амиранашвили, История грузинского искусства, стр. 115; П. М. Мурадян, Армянская надпись храма Джвари, «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1968, № 2, стр. 62.
- 141 Н. Я. Марр, По поводу работы архитектора Т. Тораманяна «О древнейших формах Эчмиадзинского храма», «Записки Вост. отд. Русского археол. общества», т. XIX, Спб., 1909; П. М. Мурадян, Армянская надпись храма Джвари, стр. 78; И. В. Абуладзе, Замечания по поводу статьи П. М. Мурадяна об армянской надписи храма Джвари, «Мацне», 1968, № 4, стр. 188; А. Л. Якобсон, Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества, «Советская археология», 1970, № 4, стр. 41—53.
- 142 Н. Я. Марр, Аркауи—монгольское название христиан в связи с вопросом об армянах-халкедонитах, Спб., 1909, стр. 17—25; А. Грабар, Болгарские церкви-гробницы, «Известия на Българския археологически институт», I, София, 1921—1922, стр. 122; Н. Брунов, К вопросу о болгарских двухэтажных церквях-гробницах, там же, IV, София, 1926—1927, стр. 135—144; Кр. Мнятев, Архитектурата в средновековна България, София, 1965, стр. 203—205, илл. 239—242; Э. Бакалова, Стенная роспись в церкви-гробнице Бачковского монастыря, София, 1967, стр. 11, 14, 15; *Պ. Մ. Մուրադյան, Գրիգորի Բաղրյանի «Սահման»-ի հոնարեն և վրացերեն խմբագրությունների շուրջը*, «Историко-филологический журнал», 1968, № 1; А. Г. Шанидзе, Грузинский монастырь в Болгарии и его типик, Тбилиси, 1971, стр. 258; «Типик Григория Пакуриана», введение, перевод и комментарий В. А. Арутюновой-Фиданян, Ереван, 1978, стр. 10—13. В этой связи интерес представляет одна из ангийских церквей, где также, по всей вероятности, был применен принцип двухъярусной усыпальницы (зальный тип). См.: Н. Я. Марр, Анг, книжная история города и раскопки на месте городища, илл. 180; И. А. Орбели, Краткий путеводитель по городищу Анги, Спб., 1910, стр. 30; „Architettura medievale armena“, Roma, 1963, стр. 120; *Պ. Մ. Մուրադյան, Հայաստանի վրացերեն արձանագրությունները, Երևան, 1977*, стр. 35—36 и далее.
- 143 Исследования принципа ярусности в культовом и особенно мемориальном зодчестве, по нашему мнению, должны основываться на анализе функций изучаемых сооружений, разборе «предыстории» формирования этой схемы в архитектурной культуре региона задолго до распространения христианства, а также на параллельном рассмотрении верований древнего мира и канонических положений христианства, предопределивших феномен распространения ярусных построек культового и меморативного характера как в Закавказье, так и за его пределами.
- 144 S. Guyer, Grundlagen mittelalterlicher abendländischer Baukunst, Zürich—Köln, 1950.
- 145 *Վ. Գ. Գրիգորյան, Ծրվորի քառաբլիզ հուշարձանը*, «Вестник» АН АрмССР (общ. науки), 1971, № 7, стр. 76; он же, *Վաղ միջնադարի հայ ճարտարապետությունը՝ զբեթավոր քառաթև երկու հուշարձան*, там же, 1973, № 4, стр. 35; он же, *Վաղ միջնադարի հայկական քառաբլորան հուշարձանները*, там же, 1976, № 1, стр. 74, и др.

146 Г. Н. Чубинашвили, Архитектура Кахетии, т. I, Тбилиси, 1959, стр. 202—203; О. Х. Халпахчьяи, Гражданское зодчество Армении, М., 1971, стр. 56—63, 131—132. Иную точку зрения высказал А. М. Высоцкий. См.: А. М. Высоцкий, Страны Закавказья и Иран: параллели в архитектуре в эпоху Сасанидов, в сб. «Искусство и археология Ирана. II», М., 1976, стр. 47.

147 A. Grabar, *Martyrium*, vol. I. Paris, 1946, стр. 203.

148 J. Lassus, *Sanctuaires chretiens du Syrie*, Paris, 1947, стр. 114.

149 Г. Н. Чубинашвили, К вопросу о начальных формах христианского храма, в кн. «Вопросы истории искусства», т. I, Тбилиси, 1970, стр. 39.

150 С. С. Мнацаканян, Проблемы генезиса и типологии..., стр. 90.

151 Н. М. Токарский, Джрвеж II, Вохджаберд, Ереван, 1964, стр. 50—70, рис. 25—36.

152 С. А. Мамонтов, К типологии центрально-купольных сооружений V—VII вв. Армении и Грузии, в сб. «Национальное своеобразие зодчества народов СССР», М., 1979, стр. 33—34, илл. 1. Несмотря на типологическое сходство строения в Джилизе с ранними мемориальными «ячейками», датировку этого «купола на квадрате» столь ранним временем (III—V вв.) принять нельзя ввиду отчетливых расширений светопросомов вовнутрь, что является одним из дифференцирующих признаков сооружений раннесредневековой Армении, возведенных не ранее VI в.

153 В. Г. Григорян, Малые центричные памятники Армении раннего средневековья (автореферат канд. дисс.), Ереван, 1979, стр. 19.

154 В. Г. Григорян, Малые центричные памятники Армении раннего средневековья, «Труды II Международного симпозиума по армянскому искусству», стр. 10—11.

155 А. А. Манучарян, Два новооткрытых памятника многоапсидной композиции, «Историко-филологический журнал», 1976, № 3, стр. 259—268.

156 Необходимость решения этого вопроса отметил П. З. Донабедян (П. З. Донабедян, Тимпан ехегисского надгробного памятника 1273 г., «Историко-филологический журнал», 1979, № 3, стр. 202). Здесь мы предлагаем вариант решения, основанный на анализе плановой структуры и ряда особенностей символики памятников.

157 С целью возможного выявления миниатюрных крипт, не имевших специально предусмотренного входа; подобное решение, существовавшее в античном мире и раннехристианском зодчестве, впоследствии распространилось в мусульманских мавзолеях; в частности, см.: М. С. Булатов, Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX—XV вв., М., 1978, стр. 151 и др.

158 *Լ. Մելիքյան-Բեկ, Հայրազնի տաճարը Շարգենի նկարազրույթում*, «Известия» АН АрмССР (общ. науки), 1957, № 9, стр. 83.

159 Р. М. Ваидов, К. М. Мамедзаде, Н. М. Гулнев, Новый памятник архитектуры Кавказской Албании, «Археологические открытия 1971 г.», М., 1972, стр. 487—488; К. М. Мамедзаде, Строительное искусство Азербайджана IV—XVIII вв. (автореферат докт. дисс.), Баку 1979. В этой связи большой интерес представляет античный круглый храм в Вани (Западная Грузия). См.: Г. Н. Лежава, Архитектурные памятники Грузии античного периода, стр. 23, табл. CXV.

160 Д. А. Ахундов, Путь развития круглых храмов Азербайджана, «Ученые записки АзПИ», серия X, № 1, Баку, 1976, стр. 15; А. Л. Якобсон, Архитектурные связи Кавказской Албании и Армении, «Историко-филологический журнал», 1977, № 1, стр. 69—84.

161 *Մ. Ա. Բեկյան, Հայրազնի տաճարը, Պատմության և հնության աշխարհ. Երևան, 1969*, стр. 184.

**ՀԻՆ ԵՎ ՎԱՂՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՄԵՄՈՐԻԱԼ
ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐԻ ԾԱԳՄԱՆ ԵՎ ՏԻՊԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԵՐԸ**

Ճարտարապետության թեկնածու Ս. Ս. ՄՆԱՑԱԿԱՆՅԱՆ

(Ա մ փ ո թ ու մ)

Հայկական ճարտարապետության պատմության մեջ առանձնահատուկ տեղ են գրավում մեմորիալ հուշարձանները: Այն հանգամանքը, որ հայ եկեղեցին իր կազմավորման շրջանում արդեն (ի տարբերություն այլ քրիստոնեական եկեղեցիների) կտրականապես արգելել էր պաշտամունքային կառույցների ներսում թաղումներ կատարելը, պայմանավորեց մեմորիալ ճարտարապետության բուռն զարգացումը և նրա՝ որպես ինքնուրույն ուղղության ձևավորումը (ճարտարապետական մշակույթի հիմնական ուղղությունների՝ քաղաքացիական և պաշտամունքային ճարտարապետության հետ մեկտեղ): Հոդվածի առաջին մասում հանգամանորեն քննարկվում են բրոնզեդարյան, ուրարտական և հելլենիստական շրջանի մեմորիալ հուշարձանների ծագման հարցերը, նշվում կառույցների տիպերը և հորինվածքների զարգացման ընթացքը: Հոդվածի հիմնական մասը նվիրված է վաղմիջնադարյան մեմորիալ կառույցներին, որտեղ քայլ առ քայլ քննարկված են հուշարձանների տիպերը, նշվում են նրանց զարգացման ընթացքը և տիպաբանական առանձնահատկությունները: Հուշարձաններն ըստ իրենց կառուցողական հատկանիշների բաժանված են երկու հիմնական խմբի. կառույցներ առանց ներքին տարածության (մենհիրներ, վիշապներ, կոթողներ, հուշասյուներ, մեմորիալ մոնումենտներ, խաչքարեր) և հուշարձաններ, որոնք ունեն ներքին տարածական ծավալային լուծում (ժայռափոր և գետնափոր դամբարաններ, երկհարկ դամբարաններ, տոհմային դամբարանների աղոթարաններ և մեմորիալ համալիրներ): Առանձնակի քննարկվում է մեմորիալ կառույցների և պաշտամունքային հուշարձանների տարածական-ծավալային լուծումների փոխազդեցության հարցը և հատկապես փոքր խաչածե կենտրոնազմբեթ կառույցների մեմորիալ անկյունքների պրոբլեմը, ցույց է տրվում այդ տիպի մշակման բնագավառում մեմորիալ վերերկրյա դամբարանային կառույցների ձևերի վճռական նշանակությունը: